

– Ты бывал в Казани? – спросил меня давний товарищ, писатель Ильдар Абузяров.

– Нет. Только проездом. Давно – когда поезда из Абакана в Москву шли по южной ветке.

– А хочешь побывать?

Я родился и вырос в городе Кызыле – столице Тувы. Край страны на границе с Монголией. Железной дороги там нет, автомобильная трасса через Саянские горы в Красноярский край была тяжелой, летать на самолете дорого. Поэтому в детстве я мечтал путешествовать.

В последние годы ездить стал много. Иногда дней по сто – сто пятьдесят не бывал дома. Мечта вроде как исполнилась, но не приносила радости: я стал понимать ухмылки спортсменов, артистов на вопросы журналистов: «Какие города вам запомнились? Что понравилось в нашем городе?» Да, поездок много, но они зачастую скоротечны, торопливы, наполнены мероприятиями, и в памяти мало что остается.

А самое главное – почти не получается писать не только во время поездок, но и несколько дней до и после них. Сначала готовишься, собираешься, душой уже не дома, не за письменным столом, а когда возвращаешься, приходится внутренне собирать себя, настраиваться, привыкать к тому распорядку, что был прежде – входить в рабочий ритм.

Поэтому я все чаще отказываюсь. Хотя и жалею – мир такой огромный, разнообразный, но все не ухватишь. А распылиться можно запросто.

– В Казани открылась арт-резиденция, – добавил Ильдар. – Есть квартира в центре, можно писать, гулять, знакомиться с городом. Жить хоть неделю, хоть месяц. Поезд за свой счет, а деньги на питание выдают на месте. Предусмотрены, конечно, встречи, но не каждый день.

О творческих резиденциях я слышал давно. Но все они – до последнего времени – находились за рубежом: в Швеции, Бельгии, Франции, США. За границу меня не особо тянет, тем более что иностранными языками не владею, а вот пожить – именно пожить, а не заскочить – в разных городах родной страны хотелось давно.

Поэтому предложение Ильдара оказалось заманчивым. Особенно такая немаловажная деталь, как одиночество. Квартира в полном твоём распоряжении, никаких соседей, общежития, споров о литературе... Пяти лет учебы в Литературном институте, нескольких писательских форумов и совещаний мне хватило. Идей они дают множество, а времени и энергии на их воплощение все меньше...

И вот я в Казани с небольшой сумкой, в которой самое необходимое. В том числе ноутбук и путеводитель по городу. Впрочем, туристом себя не чувствую: я настроился не погостить здесь, не оббегать достопримечательности, а ощутить себя местным. Но книжица-навигатор необходима – без нее чувствуешь себя почти слепым.

Заранее, правда, я ее не изучал – знаю по личному опыту, это почти бесполезно. С путеводителем нужно именно ходить.

Вообще, признаюсь, о Казани я знал в основном по произведениям наших классиков. Толстого, Сергея Аксакова, Гончарова, Горького, немного по прозе Аксенова. Остались в памяти из советской юности строки Мусы Джалиля: «Низкие радости, мелкое счастье / Я отвергаю, над ними смеюсь. / Песня исполнена правды и страсти – / Тем, для чего я живу и борюсь».

Визуально Казань была мне хорошо знакома лишь с одной точки: потрясающий вид на Кремль со стадиона «Центральный» во время трансляции футбольных матчей с участием «Рубина».

Ильдар Абузяров встретил на железнодорожном вокзале. Было тепло, ясно, но кое-где еще лежал снег. На календаре – 6 апреля.

Довольно быстро дошли до того дома, где мне предстояло жить. По пути отмечал улицы – Бурхана Шахиди, Московская, Татарстан, Марджани...

– А это Казанка? – увидел я довольно широкую полосу льда, уходящую вдаль.

– Это озеро Кабан, – ответил Ильдар. – Вернее, Нижний Кабан. Оно из трех частей состоит, тянется километров на шесть. Раньше, в древности, говорят, это было русло Волги, но потом Волга ушла в сторону...

Квартира оказалась отличная. Просторная, с минимумом вещей. Зато в каждой комнате – письменный стол, лампа, в зале – небольшая библиотека по истории Татарстана. Окна выходили на две стороны: во двор и на озеро. А за озером – ряды разноцветных домов, надо всем этим – небо... И то ли мне повезло с погодой, то ли в Казани обычно так, но небо там особенное – не городское. Когда смотришь в него, кажется, ты где-то в степи. Такое небо в Хакасии, Туве...

Ильдар помог мне устроиться, мы попили чаю, и он ушел. Позже мы встречались почти ежедневно, гуляли, ходили в музей; была встреча с читателями в музее Аксенова. Уроженец Нижнего Новгорода, поживший и в Москве, и Петербурге, и еще бог знает где (а мы знакомы без малого двадцать лет), Ильдар, как я убедился, отлично знает Казань. Очень многое я узнал от него, что-то из книг и путеводителя, что-то по мемориальным доскам и памятникам...

Меня, конечно, заинтересовало, чьим именем названа улица, где я живу, – Марджани. Это исламский богослов XIX века, философ, просветитель, этнограф...

А вот биография Бурхана Шахиди напоминает приключенческий роман. Родился в 1894 году в Казанской губернии, учился в медресе в Казани, работал бухгалтером в Семипалатинске, потом в Западном Китае. Несколько лет провел в Германии, окончил Берлинский университет, вернулся в Китай, занял должность заместителя губернатора провинции Синьцзян (восток Китая), короткое вре-

мя был консулом Китая в СССР в городе Зайсане. С 1938 по 1944 год сидел в китайской тюрьме. После освобождения – губернатор города Урумчи.

В 1947–1949 годах – член гоминьдановского правительства Республики Китай в Нанкине, член правительства Восточно-Туркестанской Республики. После победы коммунистов – первый председатель народного правительства Синьцзяна. В 1955–1966 годах – председатель Исламской ассоциации Китая. Во время «культурной революции» снова в тюрьме, десять лет – с 1966 по 1976 год. В 1984 году написал книгу «50 лет в Синьцзяне», умер в 1989-м девяносточетырехлетним стариком.

Поистине фантастические кульбиты судьбы...

Впрочем, знакомясь с жизнью уроженцев Казани, я увидел, что многих из них жизнь забрасывала в самые невероятные уголки мира, зачастую ставила в обстоятельства, мало вяжущиеся с реальностью. И наоборот – людей, родившихся вдали от Казани, притягивало сюда.

Тем, что это был (и остается, конечно) один из крупнейших городов России, что Казанский университет – третий по старшинству в стране (открыт раньше Петербургского), объяснить притяжение вряд ли возможно. Скорее всего, само расположение города, его жители и культура стали, по справедливому замечанию Александра Герцена, «местом встречи и свидания двух миров».

Неожиданная параллель с Казанью и вообще Татарстаном возникла и в моей судьбе. В 1993 году наша семья переехала из Кызыла на самый юг Красноярского края – в село Восточное Минусинского района. Позже, разыскивая сведения об этом селе, я узнал, что основано оно «в 1833 году как казенное военное поселение. В 1842 году стало сельским поселением. С середины XIX века, кроме русских крестьян, здесь поселяются ссыльные татары из Казанской и Самарской губерний. В селе образуются две

общины – православная и мусульманская. В 1852 году русские крестьяне самовольно начинают строительство часовни в деревне. В 1903 году открылись мусульманская мечеть и татарская духовная школа.

К 1916 году в селе Восточном проживало более 600 человек татарской национальности. <... > В период коллективизации в Восточном организуются две сельхозартели «Восточенец» и «Кызыл-Батыр», промыслово-кооперативная артель».

Ни церкви, ни мечети теперь в Восточном нет, но татарская культура до сих пор сильна – на Сабантуй, например, съезжаются многие сотни людей из разных сел юга Красноярского края.

За что в середине позапрошлого века сюда были посланы татары Поволжья, выяснить мне не удалось. Впрочем, массовая депортация – не изобретение Сталина: и в царской России переселяли с родной земли огромные массы людей.

Казань, знаю, начиная с Ивана Грозного пытались очистить от местного населения. По крайней мере, загнать его в своего рода резервации. Наверное, поэтому архитектура города в основном похожа на большинство губернских центров России, но есть участки уникальные. Я жил как раз рядом со Старо-Татарской слободой. Достаточно было свернуть с оживленных, традиционно застроенных улиц Марджани или Татарстан, и ты попадад в некое другое измерение, другое время.

Главное достоинство слободы – то, что в ней находятся не единичные здания прошлых столетий или построенных недавно под те времена: это несколько кварталов, настоящий комплекс. Причем не законсервированный – живой.

На территории слободы есть магазин «Бахетле», где можно купить национальные татарские сладости, кол-

басы, выпечку; обнаружил я там и куличи, крашенные яйца – дело было накануне Пасхи.

Соседство ислама и православия в Казани в прямом смысле на каждом шагу. Очень много мечетей, но почти везде поблизости православные храмы. Благодарен Ильдару Абузярову, что отвел меня к поразительному Петропавловскому собору... Когда утверждают, что православие – вера радости, многие возмущаются, но вот такие церкви подтверждают это утверждение. Радость испытываешь и от встречи с мечетью Нурулла... А своего рода символом единения разных конфессий стал Храм всех религий. И то, что он находится именно в Казани, – не случайно.

Вообще Казань – радостный город. Здесь нет скученности, одноцветия, не исправимой никакими реставрациями ветхости, какие видишь во многих старинных городах. Глаза постоянно находят красоту, неожиданное, необычное. Театр «Экият», Дом Шамиля, Александровский Пассаж, Дворец бракосочетаний, высоченная и тонкая колокольня Богоявленского собора из темно-красного кирпича, Дворец земледельцев, за которым кусочек Парижа, и тут же – деревянные домики с мезонинами...

О Казанском кремле сказано много. Боюсь повториться. Отмечу лишь, что, помимо его великолепия, он действующий, а не музейно-закрытый. Этим он напомнил мне Московский и Нижегородский. Большинство же кремлей – или сплошной музей, или пустое пространство, огороженное древней стеной с башнями.

Увидел я и непарадную Казань. Это случилось по пути к дому-музею Ленина – район Овражной и Низенькой улиц. Вернее, он застраивается симпатичными кирпичными особняками, но почему-то так жалко бревенчатые домики, которые идут под снос. Теряется и атмосфера того места, где жила семья Ульяновых в конце XIX века, что видел будущий вождь...

Гончаров, кажется, назвал улицы Казани горбатыми. Да, в городе много подъемов, спусков, некоторые улицы петляют. Мне это понравилось после плоских Петербурга и Екатеринбурга, почти абсолютно выровненной Москвы.

Музеями Казань богата. Особенно запомнилась галерея Константина Васильева. Тем более что ее существование стало для меня неожиданностью.

Несколько репродукций картин Васильева – «Человек с филином», «Ожидание», «Рождение Дуная», «Прощание славянки» – я увидел еще подростком в доперестроечное время, и они меня потрясли. Я уже был знаком с живописной манерой Ильи Глазунова, но у Васильева при некоторой схожести было нечто свое, неповторимое. Может быть, душа в картинах, которой у Глазунова я не чувствовал... Потом появился набор репродукций, который часто рассматривал.

Я знал, что прожил Константин Васильев недолго, вдали от Москвы, но подробности биографии прошли мимо меня. И когда Ильдар предложил посетить галерею Васильева, я сначала удивился, что она есть, что она здесь, а потом, конечно, согласился... Галерея находится на пешеходной улице, помещение большое, с высокими потолками – картинам просторно. По залам нас провел друг художника Геннадий Пронин, а рассказ друга – это всегда больше, чем экскурсия.

В дни пребывания в Казани я открыл для себя поэзию Габдуллы Тукая. Имя его слышал давно, встречал в письмах и статьях Горького, а вот со стихами познакомился там, где памятью о нем, кажется, пропитано все – камни, воздух. Татарского языка я не знаю, читал в основном в переводах Семена Липкина. Кстати, музей Габдуллы Тукая не только мемориальный – по сути, в нем представлена жизнь казанских татар до революции. Сам музей находится в красивейшем Доме Шамиля...

Прожил я в городе немногим больше недели. Это, конечно, маловато. Сюжетов для повестей и рассказов мне Казань подарить не успела. Надеюсь, пока. Случается, через годы какая-то деталь, ситуация, произошедшая в каком-то городе, становится основой для прозы.

Кстати, без кухонного разговора о литературе не обошлось – в те же дни там была критик Анна Жучкова. Встретились, поспорили...

В Казани живут и едят мои товарищи Анна Русс, Альбина Гумерова, Денис Осокин, Ильдар Абузяров. Казань, правда, не стала героиней современной литературы, в отличие, скажем, от Екатеринбурга, Москвы, Петербурга. С одной стороны, это плохо – мы почти не видим художественного описания города, а с другой, быть может, в Казани все так хорошо, что она не дает пищи для прозы. Проза ведь рождается из проблем, так у нас в России повелось.

Когда-то много доставалось Лескову, описывающему быт уездных городов России. Сейчас одно из самых популярных произведений – роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». Главный герой там – Екатеринбург. Но сами жители ругаются: город представит жутковатым, ирреальным, почти потусторонним.

Впрочем, арт-резиденция в Казани создана, как мне представляется, не только для производства текстов о городе. Она – одно из немногих окон, через которое литератор может подробно рассмотреть тот кусочек России, в котором не живет.

Когда-то, в мифическое уже советское время, говорят, член Союза писателей мог взять творческую командировку, получить в каком-нибудь журнале или газете аванс (приличную сумму) под будущую повесть или очерк и уехать далеко-далеко от столицы, пожить там месяц-другой. Можно было и повесть с очерком не писать – прощались: не пришло вдохновение, что ж делать...

Теперь литератор привязан к тому месту, где живет. Более-менее известным предлагают время от времени съездить туда-то или туда-то на два-три дня. Но что узнаешь за эти два-три дня? Из аэропорта или вокзала в гостиницу, из гостиницы на встречу, потом в музей, из музея в театр или на фуршет... Сюжет найти практически невозможно.

А начинающий литератор, скажем, из Москвы вообще, получается, заперт в Москве. Новых Братских ГЭС, БАМов, Талнахов нет, никуда его не зовут. Вот он и пишет о своем московском круге или же очень быстро бросает писать, уходит в редакторы на ТВ, в гляцевые журналы... Из моих однокурсников по Литинституту никто из ребят и девушек из Москвы не стал писателем. Хотя талантливыми были практически все. Просто не о чем было писать. Создали по пять-семь рассказов о своем переходе из отрочества в юность – и все. Дальше никакой пищи для прозы. Некоторые по вступительным работам защищали дипломы.

Конечно, можно говорить, что для того, чтоб найти тему, сюжет, не нужны резиденции и творческие командировки. Душно и пусто в том месте, где живешь, возьми и сам, как простой человек, поезжай в другое место. Иди «от деревни к деревне», как Юрий Казаков, завербуйся на рыболовецкое судно или в бригаду строителей, геологическую партию... Но на практике такое бывает исключительно редко. Особенно теперь.

Да и Юрий Казаков впервые приехал на Север в творческую командировку от журнала «Знамя».

Да, я не знаю, напишу ли рассказ, в котором действие происходит в Казани. Но в любом случае я открыл для себя еще один город России, и Казань теперь не кружок на карте, а нечто живое, со своим лицом, своим дыханием, запахом, цветом.